

УДК 821. 112.2.09: 111.852 Ш 18

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР И ТОМАС МАНН: СПОР О КРАСОТЕ И ГРАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ МОДЕРНА

Борис Борисович Шалагінов

spenal@mail.ru

*Доктор філологічних наук, професор,
заслужений діяч науки і техніки України*

Кафедра літературознавства

Національний університет „Києво-Могилянська академія”

Вул. Григорія Сковороди, 2, 04070, м. Київ, Україна

Анотація. Здійснюється зіставлення „Маленького пана Фрідемана” Т. Манна і „Річарда III” В. Шекспіра в плані вчення Ф. Шиллера про „грацію”. Стаття є продовженням циклу праць автора про модерністичний проект ранніх романтиків та його історичну долю. Стверджується, що концептуально Т. Манн наслідує Ф. Ніцше. Елліні, в уявленні „філософа життя”, були готові до трагічних зіткнень із фатумом, якому вони протиставляли силу, а не вишукану рухливість власного духу. Увагу Ніцше привертають образи внутрішньої цільності, психологічної монолітності. В епоху Ніцше і Манна Ренесанс осмисляли як симбіоз краси і сили, нехай часто жорстокої і згубної, але плодоносної і життєлюбної. Хоча обидва автори вкрай рідко зверталися до образів Шекспіра, але сукупно „філософія життя” спиралася на ренесансну цілість, героїку і трагізм людського існування. Акцентовано на квінтесенції ніцшеанського антибуржуазного дискурсу: цільність і монолітність особистості є умовою трагічного; тенедітність і витонченість, емоційна схвильованість („граціозність”) призводять до загибелі ще до того, як особистість встигла вступити у змагання з невблаганною необхідністю. Такий спільний вирок філософа і письменника в епоху „décadence” буржуазному суспільству, не здатному вже до високоморального світовідчуття трагізму.

Ключові слова: Т. Манн, В. Шекспір, Ф. Шиллер, Ф. Ніцше, краса, грація, Ренесанс, Модерн, декаданс, Wille zur Macht, антибуржуазна критика.

1.

В 1897 г. Томас Манн публикует свой рассказ „Маленький господин Фридеман”. Сюжет поражает причудливым декадентским

изломом. Главный герой – Иоганнес Фридеман (далее цитируем автора [2, с. 14]) имел „узкие, безукоризненно изящные <...> кисти рук, большие золотистые глаза, нежно очерченный рот, русые волосы”. Его лицо „можно было назвать почти красивым”. Одевался он щёгольски: „Фрак безупречен, рубашка ослепительно бела, лакированные туфли как влитые сидели на узких изящных ногах. А когда он двигался, было видно, что носки у него красные, шёлковые”. „Он любил музыку и не пропускал ни одного концерта”... „читал запоем и постепенно воспитал в себе литературный вкус”... „но особую склонность, можно даже сказать, страсть <...> питал к театру. Сцена оказывала на него необычайно сильное действие”... Жители маленького немецкого городка, где жил персонаж, знали и уважали его, раскланивались при встрече. Как ценителя искусства и интересного собеседника его охотно принимали в обществе.

Однако маленький господин Фридеман имел один важный недостаток: он был горбат: „Он не был хорош собою <...> с его острой высокой грудью, выпуклой спиной и несоизмеримо длинными, тощими руками”... По ходу рассказа господин Фридеман влюбляется в молодую обаятельную госпожу фон Риннлинген. Их сближает страстная любовь к искусству, к немецкой опере, к поэзии. Молодая девушка чувствует неясное, но властное влечение к изящному горбуну. Близится момент объяснения. Во время решающей прогулки по саду она задаёт ему вопрос о его болезни. Вопрос задан с той же наивной и в то же время жёсткой прямоотой, с какой и сам автор, Томас Манн к месту и не к месту информирует читателя о физическом самочувствии своего героя. И эта жажда беспредельной откровенности, которую может считать своим правом только молодое, здоровое женское тело с его естественным стремлением ко всей полноте женского счастья, развеивает фату моргану идеального обожания. И госпожа фон Риннлинген вдруг обнаруживает, что перед ней всего лишь горбун. Охваченная стыдом за чуть не совершённую ошибку, ошибку перед природой, перед своим естеством, она спешно покидает сад. А отвергнутый маленький господин Фридеман бросается в пруд и умирает.

Старый пруд, вековые деревья с изломанными линиями сучьев, старинный дом с выцветшими гобеленами, музыка, хрупкая и болезненная красота – это всё элементы особого эстетизма, вызывающего в памяти Метерлинка. В том же 1897-м году, что был

написан рассказ, Клод Дебюсси закончил свою оперу на текст Метерлинка „Пеллеас и Мелизанда”. Томас Манн, казалось бы, тоже поддался чарам нового эстетизма. И через 5 лет, в рассказе „Тристан” (с аллюзией на любимую вагнеровскую оперу Томаса Манна), мы находим, фактически, тот же элегический тон, однако ж и ту же беспощадную жажду телесного, физического здоровья и полноты жизни, зов которой в финале совершенно уничтожает морально главного героя.

Но не вызывает ли новелла о маленьком изящном горбуне воспоминание о другом горбуне и о другом объяснении в любви? Имею в виду Ричарда III из одноименной трагедии В. Шекспира. Этот персонаж сам о себе говорит так:

Но я не создан для забав любовных,
Для нежного гляденья в зеркала;
Я груб <...>.
Меня природа лживая согнула
И обделила красотой и ростом.
Уродлив, исковеркан и до срока
Я послан в мир живой <...>.
Такой убогий и хромой, что псы,
Когда пред ними ковыляю, лают <...> [6, с. 439].

И вот этот „убогий, хромой и горбатый” без тени колебаний бросается убеждать в своей любви леди Анну, и более того – именно в тот момент, когда безутешная вдова хоронит короля Генриха VI, которого Ричард Глостер сам и убил. Мы читаем восемь страниц его пылко-го монолога, прерываемого возмущёнными репликами Анны, которые, однако, становятся постепенно всё более и более нерешительными. И заканчивается сцена тем, что леди Анна принимает от убийцы своего тестя и мужа перстень. А позже выходит за горбуна замуж.

2.

Диалог двух произведений показывает, насколько различались в европейской культуре представления о человеке в самом начале эпохи Модерн и накануне её заката. В конце XVIII века выступили два философа: Иммануил Кант, который как бы подытожил уходящее время своим учением о *красоте*; и другой – Фридрих Шиллер, как бы предугадавший коллизии наступающего XIX века в своём учении о *грации*. Кант связал красоту с природой и тем самым навсегда заслужил глубокое уважение Фридриха Ницше;

Шиллер же связал грацию с сознанием, со сферой субъективности, с внутренним миром человека, и тем самым вызвал у Ницше непреходящий скепсис ко всему, что написал поэт.

Между тем, размышления Шиллера были попыткой углубить представления о гуманности после эпохи просветительского рационализма, который сводил сущность гуманного к чистому разуму. А учение Ницше призвано было спасти гуманизм от иррационализма, невольного вызванного этой попыткой.

Рассмотрим размышления Шиллера детальной [7]. В частности, поэт объяснял, что сама природа не знает, что такое красота, но зато привлекает к себе всё живое *движением*. Но это не только то движение, которое сотрясает мощными катаклизмами всё сущее. Мысль Шиллера содержит тонкий нюанс Нового времени. У него речь идёт о приятном и располагающем к себе *оживлении*, которое, подобно изменчивому солнечному освещению, обнаруживает в предмете новые черты и заставляет нас предполагать наличие в нём какой-то скрытой сущности, *души*, которая только и может прорваться наружу в виде такого оживления. Именно оно и вызывает в нас интерес, перерастающий в сочувствие и симпатию. Эта оживлённость, свидетельствующая о внутренней жизни человека и придающая ей значительность, и есть *грация*.

Грация и красота всегда спорят друг с другом. Красота – это целостность, грация – это сложность. Природа и её красота безличны; дух и её грация всегда индивидуальны. К красоте можно привыкнуть; грация всегда чарует нас изменчивостью и новизной. Красота статуарна, грация невозможна без движения. В красоте личность застывает в неподвижности; в грации она – в бесконечном самораскрытии. И, если вернуться к рассказу Томаса Манна, грация делает внутренне привлекательным даже совсем некрасивого человека. Так можно выразить основные мысли Шиллера.

Последующая европейская эстетика пошла во многом за Шиллером, а не за Кантом. И свидетельством могут быть „Цветы зла” Бодлера, где эстетическая победа принадлежит грации, движению, оживлению, изменчивости, которые совсем отодвигают на задний план субстанциональную красоту. Бодлер первым нарушил равновесие между гуманным и эстетическим. Хотя были попытки и спасти гуманное. Например, в те же 1850-е годы грация увядания и упадка захватила русского поэта Фёдора Тютчева, который написал строки, пронизанные болью за всё малое:

Как увядающее мило!
 Какая прелесть в нём для нас,
 Когда, что так цвело и жило,
 Теперь, так немощно и хило,
 В последний улыбнётся раз!... (1850).

А 1857 г., когда вышел томик стихов Бодлера, Рихард Вагнер публикует либретто своей оперы „Тристан и Изольда” и через два года заканчивает работу над музыкой, которая начинается со знаменитого „тристановского аккорда”. Монотонная, напряжённая и изматывающая душу героев любовная страсть здесь предстала в бесчисленных психологических нюансах, сложных гармонических переплетениях, в грации страдания – в „рококо души”, по выражению Ф. Ницше, который во всём этом увидел тревожные черты приближающейся культуры „декаданса”.

Грация брала верх не просто над красотой, а над самой природой; она, её чрезмерность и самого человека лишала „воли к (жизненной) силе”, как писал Ницше (Wille zur Macht). Философ утверждал, что человек Нового времени страшился обнажённости жизни, её чёрных глубин, которые только и могут закалить его дух. Он страшился её неэстетичности и искал для неё причудливого искусственного освещения.

Томас Манн чутко уловил эту мысль у Ницше, когда писал свои „Рассуждения аполитичного”. В Германии это был период экспрессионизма, и само время, казалось, взывало к Фридриху Ницше. „Романский Запад – насквозь литературен; это отделяет его от германского, или, точнее, от немецкого мира, который непременно и безусловно нелитературен <...> Роскошное слово, соединённое с роскошным жестом <...> академическая риторика во имя рода человеческого <...> это тот дух <...> что застыл в якобинце (то есть французе. – Б. Ш.) схоластически-литературными формулами”. „Ведь то, что мы называем цивилизацией <...> есть не что иное, как самое победное шествие, распространение буржуазно-политизированного и литературного духа, (это) колонизация им всей обжитой земли. *Колониализм цивилизации* (курсив Томаса Манна. – Б. Ш.) – последняя форма романской объединительной идеи, против которой протестует Германия” [3, с. 58–59]. А в письме брату, писателю Генриху Манну, он мечтал о таком будущем, когда понятие человек „будет охватывать нечто куда

более широкое, чем „образованность”, который не будет обладать культурой, а будет, возможно, самой культурой...” [4, с. 195].

В „Рассуждениях аполитичного” мы угадываем основную мысль Ницше: „залитературенность” искусства и его эстетическая утонченность, „декоративность культуры” выражают духовное бессилие буржуа, отсутствие у него „воли к (жизненной) силе”.

Ницше не сразу нашёл адекватную словесную формулу для своей идеи – *Wille zur Macht*; но он прежде всесторонне описал этот концепт, из которого следовало, что он имел в виду совсем не политическую или какую-либо иную власть (как это переводится), а именно „силу” и „полноту” физического и духовного существования (Не имея тут места для полемики, обратимся к авторитету Арсения Гулыги: „Прославляя жизнь, Ницше весь мир представлял как кванты воли к мощи (у нас переводится: воля к власти, что применительно к природным явлениям воспринимается неадекватно...). Мировая воля к мощи и воля к жизни выражает метафизику Ницше. Для него мир есть единый процесс становления, в котором все его члены являются центрами динамической энергии этой воли” [1, с. 308–309]). Об утрате современным европейцем „воли к жизненной силе” с горечью писали ещё Шиллер, Гете, немецкие романтики в начале XIX века, а после них Рихард Вагнер, из рук которого философ, на наш взгляд, и воспринял этот концепт почти в готовом виде.

3.

Теперь становится понятным, что рассказ Томаса Манна вовсе не декадентский, хотя его главный герой – декадент. Госпожу фон Риннлинген охватила взволнованность, которая передалась ей не от красоты, а от оживлённости внутренней жизни мужчины, от подвижности его интеллекта. Однако различие модернистского героя и ренессансного между собой заключалось в том, что интеллектуальная утонченность Иоганнеса Фридемана вовсе не дополняла жизненную силу в нём, а, увы! всего лишь *заменяла её!* Всё богатство культуры, приобретённое за минувшие столетия, – ничто по сравнению с утратой жизненной силы!

Увлечение героини было весьма сильным, иллюзия чуть не победила жизнь. И лишь в последний момент взволнованность мысли (грация) показалась ей хрупкой и нестойкой перед убедительностью жизненной силы. Перед молодой женщиной промелькнул один такой „цветок зла”, гофманский „кактус

грандифлёрус”, источающий сильный, но непереносимо приторный запах ванили; промелькнул, чтобы исчезнуть из её жизни навсегда.

Женщина, в представлении Ф. Ницше и Т. Манна, своим сексуальным выбором в пользу силы, а не грации оберегает саму неизбывную силу жизни от измельчения, от растворения в отдельном, подвижном, утончённом и т. п. Человеческая жизнь, учил Ницше, находит питательную почву для себя в трагичности, но она ограждает себя от взволнованности как от элемента упадка. Философ выступал за силу жизни, где нет места хрупкости. Вот почему, горячо приняв в произведениях Рихарда Вагнера воспевание трагизма, он отвернулся от него, когда ему показалось, что в „Тристане” композитор отдал себя во власть „поэзии” обречённости, „грации” смерти. Что же касается Томаса Манна, тоже страстного вагнерианца, то герои нашей новеллы ещё раз престанут перед читателем в новых образах Ганса Касторпа и Клавдии Шоша в „Волшебной горе”, Густава Ашенбаха и Тадзио в „Смерти в Венеции”, в бесчисленных вариациях Феликса Крулля и других...

4.

Шекспировский горбун Ричард Глостер как раз обладал жизненной силой, которой так недоставало героям европейского декаданса. Пусть нас не смущает то обстоятельство, что частотность имени Шекспира падает в философии, эстетике и критике на рубеже XIX–XX веков. В немецкой интеллектуальной жизни его заменяет имя Гёте – другого „великого язычника”. Причина, очевидно, в том, что новая философия жизни основывалась не просто на чувстве жизненного порыва, как в эпоху раннего романтизма, когда Шекспир, собственно, и был извлечён из забвения; а ещё и на важной *метафизической* составляющей, которую нашли как раз в Гёте такие разные мыслители, как Ф. Ницше, Т. Манн, В. Дильтей и Э. Кассирер, Ф. Энгельс, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, А. Скрябин и др.

Последняя попытка спасти гуманизм была предпринята в европейской литературе XX века, когда она пыталась рассматривать отдельного человека как часть человеческой общности, на фоне грандиозных общественных, исторических и даже космических движений. Это Джек Лондон („Железная пята”), М. Горький, М. Шолохов („Тихий Дон”), Г. Уэллс, А. Франс („Боги жаждут”, „Восстание ангелов”), Джон Стейнбек („Гроздь гнева”), Л. Арагон, Б. Брехт, Т. Манн и другие авторы, выпадающие, как правило, из

учебных программ буржуазных университетов. Одновременно с их произведениями всё отчётливей прослеживалась у других писателей тенденция показать человека заблудившимся в историческом процессе, а сам этот процесс – как хаос, не поддающийся рациональному пониманию. Но ощущение пребывания в темноте в конце концов утомляет. И вот уже в наши дни в виде реакции на идеи катастрофизма распространились псевдоисторические книги и фэнтези, где уже не делается попыток понять окружающее, а история расчерчена на легко заглатываемые порции, объём и содержание которых соответствует умственным возможностям современного буржуазного читателя (а другого у нас и нет!).

Индивидуализм Ф. Ницше, предвидевшего весь этот процесс, в сущности, не отрицал общественного, исторического человека, подобно тому, как психоанализ его младшего современника З. Фрейда не отрицал *здорового* человека. Причины нервных болезней этот врач искал в самой природе буржуазного существования. Ницше, например, видел главную беду в „машинальной деятельности“. Под его словами могли бы подписаться и Зигмунд Фрейд, и Карл Маркс; последний то же самое явление называл „профессиональным кретинизмом“ и „психологическим отчуждением“. Прочитируем для ясности Ницше: это „абсолютная регулярность, пунктуальное автоматическое послушание, единожды и навсегда установленный образ жизни, (монотонный) ритм времени, равнодушие к собственной внутренней жизни“ [5, т. 2, с. 503].

Уже нашим современникам благополучно удалось предать истинного Ницше забвению. Его учение многократно фальсифицировано. Главный нерв его учения – „воля к (жизненной) силе“ – опошлен неверным переводом как „воля к власти“. А сам он превращён в духовного вождя постмодернизма. Уже и наши литературные критики научились: чтобы нейтрализовать живой и страстный голос любого честного мыслителя, достаточно объявить его слова постмодернистской игрой, постмодернистской иронией и многократно восхвалить его за это в своих писаниях!

Но ведь, кроме человеческих мыслей, существует ещё и объективная природа, которая вряд ли согласится, чтобы её вот так по частям уничтожали.

1. Гулыга А. Шопенгауэр / Арсений Гулыга, Искра Андреева. – М. : Молодая гвардия, 2003. – 368 с. – (Жизнь замечательных людей).

2. *Манн Т. Маленький господин Фридеман / Томас Манн ; [пер. с нем. Т. Исаевой] // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7. / под ред. Н. Н. Вильмонта и Б. Л. Сучкова. – М. : ГИХЛ, 1960. – С. 14–40.*
3. *Манн Т. Рассуждения аполитичного / Томас Манн // Путь на Волшебную гору / предисл., сост., коммент. С. К. Апта. – М. : Вагриус, 2008. – С. 72–79. – (Мой 20 век).*
4. *Манн Т. Письма / Томас Манн ; [издание подготовил С. К. Апт]. – М. : Наука, 1975. – 463 с. – (Литературные памятники).*
5. *Ницше Ф. К генеалогии морали / Фридрих Ницше // Сочинения : в 2 т. / сост., редактор и автор примеч. К. А. Свасьян. – М. : Мысль, 1996. – С. 407–524. – (Философское наследие).*
6. *Шекспир У. Ричард III / Уильям Шекспир ; [пер. с англ. А. Радловой] // Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1 / под общ. ред. А. Смирнова и А. Аникста. – М. : Искусство, 1957. – С. 431–579.*
7. *Шиллер Ф. О грации и достоинстве / Фридрих Шиллер ; [пер. с нем. А. Горнфельда] // Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. / под общ. ред. Н. Н. Вильмонта и Р. М. Самарина. – М. : ГИХЛ, 1957. – С. 115–170.*

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР И ТОМАС МАНН: СПОР О КРАСОТЕ И ГРАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ МОДЕРНА

Борис Борисович Шалагинов

spengl@mail.ru

*Доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки и техники Украины
Кафедра литературоведения*

*Национальный университет „Киево-Могилянская академия”
Ул. Григория Сковороды, 2, 04070, г. Киев, Украина*

Аннотация. Проводится сопоставление „Маленького господина Фридемана” Т. Манна и „Ричарда III” В. Шекспира в плане учения Ф. Шиллера о „грации”, что дополняет разрабатываемую автором тематику о модернистическом проекте ранних романтиков и его исторической судьбе. Утверждается, что концептуально Т. Манн следует за Ф. Ницше. Эллены, в представлении „философа жизни”, были готовы к трагическим столкновениям с роком, которому они противопоставляли силу, а не изысканную подвижность собственного духа. Внимание Ницше привлекают образы внутренней цельности, психологической монолитности. В эпоху Ницше и Манна Ренессанс осмыслялся как симбиоз красоты и силы, пусть нередко жестокой и губительной, но плодоносящей и жизнеутверждающей. Хотя оба автора очень редко обращались к шекспировским образам, но в совокупности их „философия жизни” опиралась на ренессансную целостность, героику и трагизм людского существования. Раскрывается квинтэссенция ницшеанского антибуржуазного дискурса: целостность и

монолитность личности являются условием трагического; хрупкость, утонченность, движение („грациозность”) приводят к гибели ещё до того, как личность успела вступить в состязание с суровой необходимостью. Таков совместный приговор философа и писателя в эпоху „декаданса” буржуазному обществу, уже не способному к высокоморальному мироощущению трагизма.

Ключевые слова: Т. Манн, В. Шекспир, Ф. Шиллер, Ф. Ницше, красота, грация, Ренессанс, Модерн, декаданс, *Wille zur Macht*, антибуржуазная критика.

WILLIAM SHAKESPEARE AND THOMAS MANN: A DISPUTE ABOUT THE BEAUTY AND THE GRACE IN THE HISTORICAL CONTEXT OF THE MODERN

Borys Shalaghinov

spengl@mail.ru

Department of Literary Criticism

National University of “Kyiv-Mohyla Academy”

Skovoroda str., 2, 04071, Kyiv, Ukraine

Abstract. The object of the given article is the further development of the moral potential of Nietzsche’s antibourgeois discourse. The actuality is also related with the aforesaid. The research method is the Marxism. Scientific novelty: a comparison of “Little Herr Friedemann” by Th. Mann and “Richard III” by W. Shakespeare in terms of F. Schiller’s teaching of “grace” is made for the first time. The article is a continuation of the author’s works cycle about the modernist project of the early romantics and its historical destiny. The essence of the interpretation: the heroine of the story is devoured by the excitement, not of Friedemann’s beauty (he has a hump), but of the liveliness of his intelligence and the ideas refinement; however, in a moment of the decisive declaration the force of life, which source is beauty, prevails. The thoughts excitement (grace) turns out to be fragile and unstable before the vitality, and consequently before the power of beauty; the life protects itself from an excessive refined anxiousness as from the element of the decline. The article states that Th. Mann follows conceptually F. Nietzsche. Greeks in “philosopher’s of life” conception were ready for the tragic collision with the fate, which was opposed by the power, not by the fine mobility of their own spirit. Nietzsche’s attention is paid to the images of the inner integrity and psychological solidity. In Nietzsche’s and Mann’s time Renaissance was interpreted as a symbiosis of beauty and strength, often cruel and pernicious, but fertile and buoyant. Although both authors treated rarely the images of Shakespeare, but jointly the “philosophy of life” was based on the Renaissance integrity, heroics and tragedy of human existence. The article is accentuated on the quintessential of the Nietzsche’s antibourgeois discourse: the integrity and the solidity of the personality is a condition of the tragic; gracefulness and elegance, emotional excitement (“grace”) lead to death even before the person managed to enter a competition with an inexorable necessity. Such is a common verdict of the

philosopher and writer in the age of “decadence” to the bourgeois society, not capable to a tragic attitude.

Key words: Th. Mann, W. Shakespeare, F. Schiller, F. Nietzsche, beauty, grace, the Renaissance, the Modern, decadency, Wille zur Macht, antibourgeois.

References

1. Gulyga A., Andreeva I. *Shopengauer* [Schopenhauer]. Moscow, 2003, 368 p. (in Russian).
2. Mann T. Malen'kii gospodin Frideman [Little Herr Friedemann]. In: *Sobranie sochinenii*. Moscow, 1960, vol. 7, pp. 14–40. (in Russian).
3. Mann T. Rassuzhdeniia apolitichnogo [Reflections of an Unpolitical Man]. In: *Put' na Volshebnuuiu goru*. Moscow, 2008, pp. 72–79. (in Russian).
4. Mann T. *Pis'ma* [Letters]. Moscow, 1975, 463 p. (in Russian).
5. Nietzsche F. K genealogii morali [On the Genealogy of Morality]. In: *Sochineniia*. Moscow, 1996, vol. 2, pp. 407– 524. (in Russian).
6. Shakespeare W. Richard III [Richard III]. In: *Sobranie sochinenii*. Moscow, 1957, vol. 1, pp. 431–579. (in Russian).
7. Shiller F. O gratsii i dostoinstve [About the Grace and the Dignity]. In: *Sobranie sochinenii*. Moscow, 1957, vol. 6, pp. 115–170. (in Russian).

Suggested citation

Shalaghinov B. Vil'iam Shekspir i Tomas Mann: spor o krasote i gratsii v istoricheskom kontekste moderna [William Shakespeare and Thomas Mann: A Dispute about the Beauty and the Grace in the Historical Context of the Modern]. *Pytannia literaturoznavstva*, 2015, no. 92, pp. 145–155. (in Russian).

Стаття прийнята до друку 6.10.2015 р.